

DOI: 10.31648/an.7439

ДОРОФЕЙ БОХАН В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ПЕЧАТИ

DOROFEY BOKHAN IN THE INTERWAR POLISH PRESS

Pavel Lavrinec

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2385-4378>

Vilniaus universitetas / Vilnius University

e-mail: pavel.lavrinec@flf.vu.lt

Keywords: Dorofey Bokhan, Józef Maśliński, Julian Tuwim, Mark Aldanov, Teodor Parnicki, Russian and Polish literary connections, “Przegląd Wileński”, “Gazeta Literacka”

Abstract: This article discusses speeches by the outstanding Russian literary figure in interwar Poland, publicist and critic Dorofey Bokhan, that appeared in the Polish press and have not yet been a subject of research. The contextual circumstances of Bokhan’s publications in Polish in the Vilnius-based socio-political and literary newspaper “Przegląd Wileński” from 1926-1927 and in the Krakow magazine of literature and art “Gazeta Literacka” from 1932-1934 are presented, supported with materials from interwar periodicals and some archival documents. The study clarifies the perceptions of the activities of Dorofey Bokhan as a Russian public figure, popularizer of Russian literature in Poland and Polish literature in Russia, a supporter of Russian-Polish rapprochement. The research materials expand knowledge concerning Russian-Polish literary and cultural connections in the period between two world wars.

Дорофей Бохан (1872?-1942?) – публицист, литературный критик, автор стихотворных и прозаических текстов, чрезвычайно продуктивный переводчик польской поэзии на русский язык. Его деятельность достаточно хорошо изучена, особенно благодаря исследованиям Тадеуша Зенкевича, – в частности, в Минске до Первой мировой войны, во время польско-советских боев 1918-1920 гг. [Zienkiewicz 1994, 131-134; 1997, 195-201] и в межвоенном Вильно: светлой памяти ученый оценил

выдающуюся роль Бохана в организации русской литературной жизни в Вильно и руководстве ею [Zienkiewicz 1996, 71-75], а также охарактеризовал переводы Бохана из польской поэзии и его статьи о польских поэтах виленского периода [Zienkiewicz 2008, 270-271, 273-275]. Францишек Селицкий выделял заслуги Бохана в укреплении польско-русской дружбы и отмечал переводы польских поэтов, заслужившие одобрение Юлиана Тувима и Теодора Буйницкого, а также уважительное отношение к нему польских литераторов Валериана Харкевича и Ежи Вышомирского [Sielicki 1996, 246-247].

Ф. Селицкий, не конкретизируя, также упомянул статьи Бохана о русской литературе в польской печати. В монографии Томаша Смигельского о Ежи Вышомирском среди прочих кратких сведений о русском критике и переводчике сообщалось о его сотрудничестве с газетой Людвика Абрамовича «Przegląd Wileński», где Бохан писал о русских делах („pisał o sprawach rosyjskich” [Śmigielski 2006, 198]). Таким образом, лаконично отмеченное участие Бохана в польской печати межвоенного двадцатилетия представляется наименее исследованной стороной деятельности русского публициста и критика, очевидно, нуждающейся по меньшей мере в первичном поверхностном описании.

Намерение Бохана выступить в польской печати выражено в его прошении городскому старосту Вильно о виде на жительство (*karta pobytu*). На документе указана дата 4 октября без года; поскольку в него вписана дата регистрации по виленскому адресу 7 января 1921 г., прошение предположительно относится к октябрю того же года; в июле 1923 г. Бохан получил право убежища. В графе о профессии указанного прошения Бохан вписал: „Dziennikarz (polski)”, т. е. «Журналист (польский)» [Vochan 1921]. В действительности он с января 1921 г. сотрудничал с газетой «Виленское слово», а с октября того же года работал в газете «Виленское утро»¹. Что касается польской печати, то первое выявленное выступление Бохана относится к декабрю 1926 г., когда газета «Przegląd Wileński» напечатала его статью о русском национальном меньшинстве.

В редакционной врезке автор был представлен как известный в Вильно русский публицист и общественный деятель, а поднятая им проблема – как несомненно важная и понимаемая обычно поверхностно. Впрочем, и в статье Бохана она рассмотрена, с точки зрения редакции, недостаточно глубоко, поскольку автор не различал временной русской эмиграции и постоянного русского населения на литовско-белорусских землях, которое должно иметь гражданство, поэтому статья предлагалась как начало дискуссии на тему, до сих пор газетой не затрагиваемую. Статья Бохана живописала бедственное положение русских, усугубленное

¹ Подробнее об обстоятельствах появления Д.Д. Бохана в Вильно и начальном этапе его виленского периода см. [Лавринiec 2019].

недоброжелательным общественным мнением, и непростое положение православной церкви. Надежды на улучшение ситуации автор связывал с Русским Народным Объединением, поставившим себе цель добиться для русских статуса национального меньшинства [Bochan 1926].

Статья вызвала полемику: последовали письма в редакцию, два наиболее характерных поместил «Przegląd Wileński». В первом автор, подписавшийся инициалами *B.S.*, отказался признавать Бохана коренным русским; он скорее русифицированный белорус, а его статья типична для подхода русских всех направлений от монархистов до социалистов, которые игнорируют коренную белорусскую массу края и белорусов православного вероисповедания причисляют к русским. Между тем, по мнению автора письма, имеется только некоторое количество русских эмигрантов, а среди местного населения русские отсутствуют; среди белорусской интеллигенции есть русифицированные, считающие себя русскими, но их дети нередко проникаются национальным самосознанием и становятся в ряды белорусского движения [*Niesłuszne pretensje...* 1927, 2-3]. В другом письме за подписью *K.B.* опровергались утверждения Бохана о том, что в Российской империи поляки могли занимать высокие должности: по мнению автора, ограничения были направлены против католиков. Люди свободных профессий получали достойные доходы, будь они поляками или католиками, как и в современной Польше русский врач, адвокат, инженер, но о какой бы то ни было государственной службе не могло быть и речи, так что даже на виленском вокзале не было ни одного носильщика католика. У коренных жителей есть собственность, и на нужду они не жалуются; жалуется только пришедшая русская интеллигенция, занимавшая прежде «теплые» местечки и угнетавшая поляков жестче, чем того требовали суровые царские указы, а сейчас осталась в крае в поисках заработков [*Niesłuszne pretensje...* 1927, 3]. Бохан был вынужден отвечать, настаивая на том, что в Польше есть русские, и у них должны быть те же права, что и у других национальных меньшинств [Bochan 1927a].

В связи с кончиной в январе 1927 г. Ежи Матулайтиса, который был виленским епископом в 1918-1925 гг., Бохан в той же газете опубликовал мемуарный очерк. Ему довелось в 1921-1923 гг. неоднократно встречаться и подолгу беседовать с епископом. Впервые Бохан разговаривал с ним, когда епископа посетила делегация Виленского русского общества с ходатайством о посредничестве в получении от апостольской столицы средств на открытие и содержание в Вильно приюта для детей русских эмигрантов. Епископ, охотно перейдя на русский язык, заверил в своей поддержке, но просил быть осмотрительными в финансовой отчетности и избегать огласки, чтобы какой бы то ни было скандал, особенно с политическим оттенком, не связывался с именем папы римского. Помимо того, епископ от себя пожертвовал на приют миллион марок польских. При других встречах Бохана с епископом беседы касались творчества Федора

Достоевского, горячим поклонником и вместе с тем противником которого был Матулевич. Оказалось, что он хорошо знал русских религиозных философов, в частности, критика *Легенды о Великом Инквизиторе* Василия Розанова, а также Константина Леонтьева, Сергея Трубецкого, Сергея Булгакова, Льва Карсавина, Антона Карташева. О Николае Бердяеве епископ отзывался неодобительно, поскольку он склонялся к реакционности, а это ведет к узости взглядов. По свидетельству Бохана, покойный пастырь часто втайне оказывал помощь русским обездоленным, и о нем сохранится добрая память русской колонии [Bochan 1927b].

Спустя пять лет началось сотрудничество Бохана с краковским журналом «Gazeta Literacka». Его предварила заметка «Русский Поль Казен – Д. Бохан», уподоблявшая Бохана известному популяризатору польской литературы во Франции, в майском номере 1932 г. Подписанная инициалами *J.M.*, заметка представляла Бохана редактором виленского русского литературного журнала «Утес» (в действительности в ноябре 1931 г. вышел первый номер, оказавшийся единственным), прекрасным публицистом и влюбленным в польскую литературу переводчиком польских поэтов. Он приготовил к печати антологию польской поэзии от начала письменности до современности, включившую около двух тысяч произведений. Кроме перечисления ряда имен и названий, отмечены тяжелые условия, в которых переводчик терпеливо и старательно проделывал свою работу. Издать книгу должна была, по-видимому, Чешская академия наук и искусств, поскольку в Польше Бохан не смог найти издателя [Maśliński 1932].

Заметка, возможно, принадлежала Юзефу Маслинскому – участнику группы «Жагары» и сотруднику газеты «Kurier Wileński» и других изданий; рецензии, заметки, фельетоны, статьи он подписывал криптонимами *J.M.* и *jim* [Sykulska 2005, 100]. Ряд фактов, – впрочем, относящихся к более позднему времени, – свидетельствует о его близости к Бохану. Маслинский, в частности, доброжелательно писал о вечере, устроенном в мае 1933 г. Литературно-художественной секцией Виленского русского общества (далее ЛАС) под руководством Бохана. На вечере звучали стихотворения четырнадцати виленских польских поэтов в переводах Бохана [Maśliński 1933]². В январе 1935 г. Маслинский на вечере ЛАС делал доклад о творчестве поэтов группы «Жагары»; иллюстрациями к докладу служили стихотворения Теодора Буйницкого, Чеслава Милоша, Ежи Загурского, Ежи Путрамента, Анатоля Микулко и Маслинского в переводах Бохана, им же и прочитанные [Bochan 1935]. Рецензируя в мае 1935 г. первый номер журнала «Środy Literackie», Бохан авангардистское стихотворение неназванного Маслинского *Przedzej strzelać!* оценил

² Подписанная литерами *jim* заметка атрибутирована Юзефу Маслинскому [Śmigielski 2006, 198].

негативно, иронично посоветовав редактору Тадеушу Лопалевскому сопровождать такие произведения комментарием, «имеет ли оно смысл, и если – да, то что собственно означает», но одобрил его же статью *Ewolucje awangardy* об истории группы «Жагары» [Ławgryńc 2009, 260-261]. Вряд ли можно сомневаться в том, что основные положения статьи составили ядро упомянутого доклада Маслинского в ЛАС.

Представленная в заметке краковского журнала антология переводов польской поэзии – давний замысел Бохана. Еще в августе 1929 г. в нескольких номерах виленской газеты «Наша жизнь», в которой Бохан был одним из ведущих сотрудников, печатались объявления о том, что в скором времени выйдет его книга *Польская поэзия в ее представителях*. Заметка в краковском журнале отчасти повторяла анонс трехлетней давности в виленской газете. Книга должна была содержать избранные произведения польской поэзии от начала польской письменности до настоящего времени, очерк истории польской поэзии, критико-биографические примечания и комментарии. Всего в книгу должно было войти до двух тысяч произведений, включая полный перевод эпопеи *Король-Дух* Юлиуша Словацкого, драмы Станислава Выспянского, полное собрание басен Игнация Красицкого, поэмы *Достоевский* Станислава Бжозовского, *Лес* Владзимежа Высоцкого, *Рассвет* Сигизмунда Красинского, *Мария* Антония Мальчевского, до 50 стихотворений Марии Конопницкой, 50 стихотворений Адама Асныка, свыше 50 стихотворений Адама Мицкевича, 40 стихотворений Казимежа Тетмайера и множество других произведений разных авторов и эпох.

Вероятно, заметка об антологии (которая так и не вышла) способствовала тому, что в следующем июньском номере журнала вышла статья Бохана о литературе русской эмиграции. Автор кратко охарактеризовал старшее поколение эмигрантских писателей, заслуживших известность еще до войны – Василия Немировича-Данченко, Евгения Чирикова, Ивана Бунина, Александра Амфитеатрова, Дмитрия Мережковского, упомянул Ивана Шмелева, Михаила Осоргина, Алексея Ремизова и покойного Михаила Арцыбашева. Но ни один из них в эмиграции не создал ничего, что превзошло бы их довоенное творчество. В оценке Бохана, при всех своих достоинствах *Митина любовь* Ивана Бунина, *Неупиваемая чаша* Ивана Шмелева, *Житие Сергея Радонежского* Бориса Зайцева, *Золотой петух* Александра Куприна не лучше прежних произведений писателей и до уровня Ивана Тургенева, Льва Толстого, Федора Достоевского литературу не поднимают. Еще хуже обстоит дело с поэзией: Константин Бальмонт довел до пределов пушкинский стих, что сделало развитие поэзии на этом пути невозможным. Открывателем новых путей оказался Александр Блок, а его поэма *Двенадцать* – лучшим произведением поэзии революционной и пореволюционной. Поэтов в эмиграции много, может быть, даже слишком много, немало подлинных талантов (группа

парижских поэтов с Антонином Ладинском во главе, пражских с Вячеславом Лебедевым, виленских с Сигизмундом Полянским, варшавских с Владимиром Чихачевым и других), но нет того, кого можно было бы назвать Пушкиным русской эмиграции.

Гораздо лучше обстоит дело с писателями нового поколения, во главе которых – прозаик большого таланта Марк Алданов. По мысли виленского критика, если творческие усилия польского духа времен неволи создали непревзойденные образцы романтической поэзии, то творческие усилия русской эмиграции наилучшее выражение нашли не в поэзии, но в историческом романе. Не осмеливаясь назвать Алданова гениальным, Бохан выделил его тетralогию *Мыслитель* (романы *Девятое Термидора*, *Чертов мост*, *Заговор*, *Святая Елена*, *маленький остров*), в которой писатель проявил себя как реформатор исторического романа и несравненный мастер индивидуальной характеристики. При этом для русского читателя за историческими персонажами Алданова стоят кровавые герои октябрьской резни, большевики и чекисты. Рядом с Алдановым можно поставить только молодого писателя Владимира Сирина (Набокова), которому предстоит сыграть выдающуюся роль в литературе [Vochan 1932].

Те же положения Бохан изложил в своем докладе *Культурные достижения русской эмиграции*, судя по газетным отчетам, о праздновании в Вильно ежегодного «Дня русской культуры» в июне 1930 г. [День Русской Культуры в Вильне 1930; Малофеев 1930]. При этом мысль об Алданове как реформаторе исторического романа, возможно, заимствована из статьи Теодора Парницкого в варшавском еженедельнике «*Myśl Narodowa*» [Parnicki 1930]. Статья молодого польского критика и начинающего писателя вышла в мае 1930 г., за месяц до «Дня русской культуры», на котором в докладе Бохан озвучил эту идею. Он, несомненно, был знаком со статьей Парницкого: в одном из ноябрьских номеров виленской газеты того же года Бохан сослался на эту статью, высоко оценив непредвзятость Парницкого по отношению к русскому писателю-эмигранту [Boхан 1930].

В 1932 г. Бохан после длительного перерыва вновь возглавил ЛАС; начались еженедельные литературные вечера и дискуссии. О деятельности ЛАС, возглавляемой Боханом, Сергеем Поволоцким и Тамарой Соколовой, сообщала подписанная прозрачными инициалами *D.B.* заметка, опубликованная в краковском журнале в апреле 1933 г. Её автор отмечал, что секция большое внимание уделяет ознакомлению русского общества с польской литературой, и ее вечера посещают и русские, и поляки. В заметке упомянуты вечер, посвященный Станиславу Выспянскому, с докладом на польском языке Юзефа Вежинского и чтением русскими

артистами произведений польского писателя в переводах Бохана³; вечер, на котором Тадеуш Лопалевский выступил с собственными переводами былин⁴; вечер с докладом директора театров в Вильно Мечислава Шпакевича о постановке в Вильно пьесы *Синяя птица* и дискуссией с участием Леонида Белевского (вспоминавшего о постановке *Синей птицы* в Московском художественном театре) и Поволоцкого, в печати и на вечерах выступавшего на темы театра и кинематографа. Сообщалось также о готовящемся вечер виленских польских поэтов. Особо выделено торжественное заседание в честь профессора Мариана Здзеховского, устроенное по инициативе ЛАС в связи с 50-летием его литературной деятельности [Bochan 1933].

Летом 1934 г. «Gazeta Literacka» опубликовала возмущенную реплику Бохана по поводу инсценизации Юлианом Тувимом в варшавском театре повести Николая Гоголя *Шинель* (*Plaszcz*). С одной стороны, обращение к русской классике следовало приветствовать; с другой стороны, Тувим ввел персонажей из других произведений Гоголя, искажил образ Башмачкина и дух повести: в пьесе участвуют Хлестаков и Чичиков, Акакий Акакиевич превращается в дамского угодника, декламирует стихи из пушкинского *Медного всадника*, наконец, уже на том свете винит в своих несчастьях капиталистический строй. Это так же недопустимо, как если бы в инсценизации *Пана Тадеуша* Конрад Валленрод любезничал бы с Гражиной и целовал ручки Зосе, а ксендз Робак наставлял бы на путь истинный пани Твардовскую. По словам Бохана, когда Сергей Поволоцкий на одном из литературных вечеров ЛАС делал доклад об этой постановке, публика покатывалась со смеху. Но в то же время было грустно: можно ли переводчикам, обработчикам, режиссерам и халтурщикам („fuszerom”) делать с классическими произведениями то, что проделал Тувим с бедным Гоголем? [Bochan 1934].

Очевидно, Бохан был знаком с инсценизацией Тувима по отзывам, и прежде всего Поволоцкого. Театральный рецензент виленской газеты откликнулся на варшавский спектакль довольно подробной рецензией, в которой отметил, что Тувим искажил повесть до неузнаваемости, «не постеснялся ввести ряд новых действующих лиц», «приписал ряд несуществующих у Гоголя сцен», расправившись с Гоголем «со всей беспощадностью подлинного инквизитора»: в спектакле появляется Хлестаков, Акакий Акакиевич «пускается в любовные авантюры», ведутся разговоры «о режиме и гнете Николая I, о Пушкине и его жене» (Поволоцкий 1934). Но Бохан опирался скорее не на этот отклик, а на выступление Поволоцкого о варшавской постановке Тувима на литературном «четверге» ЛАС

³ Вечер в связи с 25-летием смерти писателя и художника состоялся 16 декабря 1932 г. [В Лит. арт. секции В.Р.О. 1932].

⁴ Вечер прошел 20 января 1933 г. [Вечер русских былин в Вильне 1933; Charkiewicz 1933].

в мае 1934 г., упомянутом в его возмущенной реплике. По краткому отчету о вечере, во время рассказа о том, что Тувим ввел в *Шинель* «Чичикова, Хлестакова и др. гоголевских персонажей, а затем исказивший Акакия Акакиевича на том свете – изрекающего, что в его неудачах повинен капиталистический строй, публика в течение четверти часа положительно умирала от хохота...» [*Лермонтовский вечер в Вильне* 1934]. Бохан последовательно занимал консервативную позицию хранителя завоеваний русской культуры прошлого и в данном случае считал необходимым выступить в защиту одного из шедевров классической русской литературы.

Вероятно, в обильной польской периодике межвоенного периода могут обнаружиться и другие публикации Дорофея Бохана. Выявленные его выступления в виленском и краковском изданиях дополняют представления о деятельности публициста и критика. Однако в целом они их не меняют: либеральная газета «Przegląd Wileński» с особым вниманием к проблематике национальных меньшинств предоставила место для выступлений Бохана – общественного деятеля, выражающего интересы русского меньшинства, сначала одного из руководителей Виленского русского общества, затем сторонника Русского Народного Объединения. В публикациях краковского журнала «Gazeta Literacka» Бохан предстает в образе литературного критика, популяризирующего русскую литературу зарубежья, и руководителя Литературно-художественной секции Виленского русского общества, действующего в интересах польско-русского сближения. Собственно, такой в целом и была его деятельность в межвоенные годы.

Помимо того, спорадическое сотрудничество Бохана с краковским журналом корреспондирует с его стремлением выйти за пределы виленской русской литературной среды и придать себе более значимый статус. В частности, в газете «Наша жизнь» он в 1930 г. ввел рубрику *Уголок поэтов*, где помещал стихотворения авторов не только из Вильно, но и из Варшавы, Гродно, Кременца, Острога, Ровно, Пинска; в 1931 г. такую же рубрику Бохан ненадолго завел в газете «Наше время», где география расширилась и включала уже Брест, Лодзь, Луцк, Сарны; позднее та же рубрика с такой же широкой географией авторов появлялась сначала в журнале «Искра» (1935), затем в газете «Новая искра» (1936) под его редакцией. В этом, как и в усиленном продвижении в виленскую печать таллинского прозаика Владимира Гущика, видятся притязания на роль не местного, но, скорее, межрегионального руководителя русской литературной жизни.

Библиография

- [Bochan Dorofiej]. 1921?. *Do starostwa grodzkiego w m. Wilnie. Podanie*. W: Lietuvos centrinis valstybės archyvas, f. 53, ap. 24, b. 62, l. 105.
- Bochan Dorofiej D. 1926. *O mniejszość rosyjską*. „Przegląd Wileński” nr 22, 25 grudnia: 2-3.
- Bochan Dorofiej D. 1927a. *Polemika o mniejszość rosyjską (Odpowiedź p. D. Bochana)*. „Przegląd Wileński” nr 5, 13 marca: 2-4.
- Bochan Dorofiej D. 1927b. *Arcybiskup J. Matulewicz a Rosjanie (Kartki ze wspomnień. Polemika o mniejszość rosyjską (Odpowiedź p. D. Bochana)*. „Przegląd Wileński” nr 5, 13 marca: 2-4.
- Bochan Dorofiej 1932. *Literatura emigracji rosyjskiej*. „Gazeta Literacka” nr 9: 137-138.
- [Bochan Dorofiej] D.B. 1933. *Praca społeczno-literacka na kresach (List z Wilna)*. „Gazeta Literacka” nr 7: 139-140.
- Bochan Dorofiej. 1934. *Czy to wolno?*. „Gazeta Literacka” nr 9-10: 153.
- Bochan Dorofiej. 1935. *Prezes Sekcji Literacko-Artystycznej W. T-wa Ros. Do Wileńskie-go Starostwa Grodzkiego. Referat Prasowy*, 18.II. W: Lietuvos centrinis valstybės archyvas, f. 53, ap. 23, b. 2403, l. 60.
- [Bohan Dorofej D.] B. 1930. *Svoboda i počva (O dvouh russkikh literaturah)*. „Naše vremâ” No 28, 2 noâbrâ: 2 [Бохан Дорофей Д.] Б. *Свобода и почва (О двух русских литературах)*. 1930. „Наше время” № 28, 2 ноября: 2].
- [Charkiewicz Walerian] W.Ch. 1933. *Od zbója Sotowieja do cara Iwana Groźnego*. „Słowo” nr 22 (3160), 23 stycznia: 2.
- Den' Russkoj Kul'tury v Vil'ne*. 1930. «Naša žizn'» No 490, 11 iúnâ: 3 [*День Русской Культуры в Вильне*. «Наша жизнь» № 490, 11 июня: 3].
- Lavrinec Pavel. 2019. „*Samyj vydaŭsijsjâ i v to že vremâ vrednyj*”: D.D. Bohan v Vil'no (1921-1923). „Literatūra: Rusistica Vilmensis” t. 61 (2): 10-22 [Лавринец Павел. 2019. „Самый выдающийся и в то же время вредный”: Д.Д. Бохан в Вильно (1921-1923). „Literatūra: Rusistica Vilmensis” t. 61 (2): 10-22].
- Lermontovskij večer v Vil'ne*. 1934. «Naše vremâ» No 107 (1125), 10 maâ: 3 [*Лермонтовский вечер в Вильне*. 1934. «Наше время» № 107 (1125), 10 мая: 3].
- Ławryniec Paweł. 2009. „*Żagary*” i rosyjskie kręgi literackie w międzywojennym Wilnie. Przeł. M. Kuryłowicz. W: *Żagary. Środowisko kulturowe grupy literackiej*. Red. Bujnicki T., Biedrzycki K., Fazan J. Kraków: Universitas: 251-265.
- [Malofeev S.G.?] M. 1930. «*Den' Russkoj Kul'tury v Vil'ne*. «Vremâ» No 139, 11 iúnâ: 2 [[Малофеев С.Г.?] М. 1930. «*День Русской Культуры*» в Вильне. «Время» № 139, 11 июня: 2].
- [Maśliński Józef ?] J.M. 1932. *Rosyjski Paul Cazin – D. Bochan*. „Gazeta Literacka” nr 8: 127-128.
- [Maśliński Józef] jim. 1933. *Poeci wileńscy po rosyjsku*. „Kurier Wileński” nr 127, 16 maja: 2.
- Niesłuszne pretensje (Dwa głosy polemiczne)*. 1927. „Przegląd Wileński” nr 1, 16 stycznia: 2-3.
- Parnicki Teodor. 1930. *Tołstoj – Sienkiewicz – Ałdanow*. „Myśl Narodowa” nr 18, 4 maja: 277-280.
- [Povolockij S.G.] Èspè. 1934. «*Šinel'*» Gogolâ na pol'sk. scene (*Teatr «Novoj Komedii» v Varšave*). «Naše vremâ» No 108 (1126), 11 maâ: 3 [[Поволоцкий С.Г.] Эспэ. 1934. «*Шинель*» Гоголя на польск. сцене (*Театр «Новой Комедии» в Варшаве*). «Наше время» № 108 (1126), 11 мая: 3].

- Sielicki Franciszek. 1996. *Pisarze rosyjscy początku XX wieku w Polsce międzywojennej*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Sykulska Barbara. 2005. *Józef Maśliński jako teoretyk i krytyk awangardy*. „Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Historicolitteraria” t. 5: 94-107.
- Śmigielski Tomasz. 2006. *Między Wilnem a Łodzią. Życie i twórczość Jerzego Wyszomirskiego (1897-1955)*. Wysokie Mazowieckie: Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im. Wagów.
- V Lit. art. sekcii V.R.O.* 1932. «Наше время» No 295 (698), 16 dekabrá: 4 [*В Лит. арт. секции В.Р.О.* 1932. «Наше время» № 295 (698), 16 декабря: 4].
- Večer ruskikh bylin v Vil'ne.* 1932. «Наше время» No 21 (731), 26 áнварá: 4 [*Вечер русских былин в Вильне.* 1932. «Наше время» № 21 (731), 26 января: 4].
- Zienkiewicz Tadeusz. 1994. *Dorofiej Bochan – tłumacz literatury polskiej na język rosyjski i krytyk*. W: *Polsko-wschodniosłowiańskie powiązania kulturowe, literackie i językowe*. T. I: *Literatura i kultura*. Red. Bartoszewicz A. Olsztyn: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej: 127-134.
- Zienkiewicz Tadeusz. 1996. „*Litieraturno-Artisticzeskaja siekcija*” i jej rola w życiu emigracji rosyjskiej w Wilnie w latach 1920-1939. W: *Studia Rossica III: Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia*. Red. Skrunda W., Zmarzer W. Warszawa: Studia Rossica: 69-75.
- Zienkiewicz Tadeusz. 1997. *Polskie życie literackie w Mińsku w XIX i na początku XX wieku (do roku 1921)*. Olsztyn: Wyższa Szkoła Pedagogiczna (Studia i Materiały WSP w Olsztynie nr 112).
- Zienkiewicz Tadeusz. 2008. *Poeci emigracji rosyjskiej i ich zainteresowanie literaturą polską (rekonesans)*. „Acta Polono-Ruthenica” t. XIII: 265-276.